

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.И. Лепорский

**Учение
св. Иоанна Златоуста о совести**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 1. С. 89-102.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Ученіе св. Іоанна Златоуста

О СОВѢСТИ.

ПОМИМО великаго жизненнаго значенія, какое имѣютъ бесѣды Златоуста, какъ истолкователя нравственнаго христіанскаго ученія и незамѣимаго руководителя христіанина по пути духовнаго преуспѣянія, они представляютъ глубокой интересъ и въ чисто-теоретическомъ отношеніи, раскрывая и освѣщая многіе вопросы христіанской этики. Цѣльныхъ бесѣдъ—трактатовъ по теоретическимъ вопросамъ въ данной области у Златоуста, конечно, мы не встрѣчаемъ. Бесѣды его имѣли своей цѣлю научать жизни, а не преподавать только знанія,—а потому вполне понятно, что все то, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ жизни, въ этихъ бесѣдахъ затрогивалось лишь попутно, мимоходомъ. Понятно также, что если Златоустъ и останавливался своимъ вниманіемъ на вопросахъ теоретическаго свойства, то по преимуществу на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ къ жизни болѣе близкое отношеніе. Въ этомъ случаѣ ученіе о совѣсти, о свободѣ воли и благодати, какъ факторахъ, созидающихъ нравственную жизнь христіанина, естественно, должно было пайти въ его бесѣдахъ наиболѣе подробное раскрытіе. Изложитъ его взглядъ на значеніе перваго изъ этихъ факторовъ мы и постараемся въ настоящей статьѣ.

Главная и существеннѣйшая функція совѣсти, по ученію Златоуста, состоитъ въ томъ, что она руководитъ чловѣка въ дѣлѣ познанія и различенія добра и зла. Здѣсь ея значеніе сказывается по преимуществу и даетъ себя чувствовать

наиболѣе сильно. По мнѣнію св. Златоуста, человѣкъ, единственно руководимый совѣстію, можетъ стать на путь истины и добродѣтели, или, по крайней мѣрѣ, дѣлать строгое различіе между нравственнымъ добромъ и зломъ. Вотъ что находимъ мы у него въ одной изъ его рѣчей къ антиохійскому народу, сказанныхъ по случаю низверженія царскихъ статуй ¹⁾... «Богъ, говоритъ здѣсь св. Златоустъ, — вначалѣ создавая человѣка, даровалъ ему естественный законъ». Что же такое этотъ естественный законъ? — спрашиваетъ св. Златоустъ, — и въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приходитъ къ ученію о совѣсти. Сущность естественнаго закона, дарованнаго Богомъ человѣку при самомъ сотвореніи этого послѣдняго, и состоитъ въ томъ, что «Богъ впечатлѣлъ въ насъ совѣсть, и познаніе добра и зла сдѣлалъ врожденнымъ». Прямымъ послѣдствіемъ этого и является то, что для человѣка становится совершенно ненужнымъ всякое наученіе: единственно при свѣтѣ этого естественнаго закона онъ можетъ узнать все и сдѣлать истинную оцѣнку поступкамъ и дѣламъ какъ своимъ, такъ и чужимъ. Вотъ почему «намъ, говоритъ Златоустъ, уже не нужно учиться, что блудъ есть зло, а цѣломудріе — добро; мы знаемъ это отъ пачала». Далѣе св. Іоаннъ старается примѣрами изъ Св. Писанія доказать высказанное имъ положеніе. «Законодатель, говоритъ Онъ, давая впослѣдствіи законы, и сказавъ: *не убій* (Исх. XX, 13), не прибавилъ, что убійство есть зло, а сказалъ просто: *не убій*; Онъ только запретилъ грѣхъ, а не училъ объ немъ. Почему же, сказавъ: *не убій*, Онъ не прибавилъ, что убійство зло? Потому, что совѣсть предварительно научила насъ этому, и онъ говоритъ объ этомъ какъ уже съ знающими и разумѣющими». Вотъ почему, напротивъ, когда Богъ открываетъ человѣку заповѣди не первоначальныя, неоткрытыя человѣку его естественною совѣстію, Онъ указываетъ и основанія, почему нужно соблюдать эти заповѣди, чего совершенно не дѣлаетъ по отношенію къ заповѣдямъ перваго порядка. Такъ поступаетъ Онъ, сообщая людямъ заповѣдь о субботнемъ покоѣ: день седьмый долженъ быть днемъ покая, — *заче въ день седьмый почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ* — прибавляетъ Господь, указывая тѣмъ человѣку разумную причину этого требованія. Указаніе причины здѣсь является дѣломъ необходимымъ, такъ какъ эта за-

¹⁾ Бесѣда XII.

повѣдь, какъ «частная и временная», существенно разнится отъ другихъ, каковы *не убій, не укради, не прелюбы сотвори*,—являющихся необходимыми и составляющими основаніе нашей нравственно-доброй жизни. «Поэтому и Господь не прилагаетъ къ этимъ послѣднимъ заповѣдямъ причины и не вводитъ ученія, но довольствуется простымъ запрещеніемъ». Что знаніе добродѣтели вложено въ челоувѣка при самомъ его твореніи, наглядное доказательство тому св. Іоаннъ Златоустъ видитъ въ примѣрахъ изъ ветхозавѣтной библейской исторіи. Однимъ изъ такихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ указанное положеніе, служитъ уже исторія грѣхопаденія. «Адамъ, говоритъ Златоустъ, сдѣлалъ первый грѣхъ, и послѣ этого грѣха тотчасъ скрылся. Если бы онъ не зналъ, что сдѣлалъ что-то злое, то для чего бы сталъ скрываться? Еще не было ни письменъ, ни закона, ни Моисея: какъ же онъ узналъ грѣхъ и скрывается, и не только скрывается, но еще, будучи обвиняемъ, пытается сложить вину на другого и обвиняетъ жену? ¹⁾)

Но нравственный законъ, вложенный въ природу челоувѣка—совѣсть—не ограничиваетъ свою дѣятельность исключительно отрицательною стороною—мученіями и укорами за уклоненіе отъ пути добра. Онъ можетъ руководить челоувѣкомъ и положительно—прямо указывать челоувѣку, что добро и что зло. Это доказываетъ св. Златоустъ примѣромъ Каина и Авеля. «Мы, говоритъ онъ, хотимъ доказать примѣромъ не только зла, но и добра, что челоувѣкъ (по природѣ) знаетъ то и другое. Челоувѣкъ знаетъ, что грѣхъ есть зло,—это показалъ Адамъ; а что онъ знаетъ также, что добродѣтель есть добро, это опять показалъ Абель. Онъ принесъ свою жертву, не по чьему-либо наставленію, и не по внушенію закона, который говорилъ бы тогда о начаткахъ, но наученный самъ собою и совѣстію» ²⁾). Всѣ подобные примѣры приводятся Златоустомъ для того, чтобы доказать, что «познаніе добра и зла первоначально вложено въ природѣ челоувѣка. Ибо откуда, говоритъ св. Іоаннъ, узналъ Абель, что доброе дѣло—принести жертву, доброе дѣло почитать Бога и благодарить за все?» ²⁾) И съ другой стороны, откуда узналъ Каинъ, что его намѣреніе убить брата—злое; ибо, въ противномъ случаѣ,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

если бы, т. е., онъ не зналъ нравственной цѣнности это намѣренія, — зачѣмъ бы онъ сталъ скрывать его? Все это находить себѣ объясненіе въ существованіи въ человѣкѣ того «достаточнаго закона совѣсти, который заключала въ себѣ съ самаго начала природа человѣческая у всѣхъ людей» ¹⁾).

Идя далѣе въ раскрытіи этихъ своихъ основныхъ положеній, св. Иоаннъ Златоустъ все болѣе и болѣе расширяетъ значеніе совѣсти: она, по его мнѣнію, и была главною движущею силою въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ, была наиболѣе дѣятельнымъ началомъ усовершенствованія гражданственности и много способствовала культурному развитію человѣческихъ обществъ.

Къ раскрытію этихъ положеній Златоустъ приходитъ въ своихъ разсужденіяхъ, направленныхъ къ обличенію язычниковъ, которые отрицали присутствіе въ себѣ высшаго нравственнаго закона, — закона совѣсти, и не признавали его врожденности. «Нѣтъ у насъ, говорятъ (т. е. язычники), врожденнаго закона въ совѣсти; Богъ не положилъ его въ природѣ». Отвѣчая на такое возраженіе противъ всеобщности совѣсти, св. Златоустъ говоритъ: «съ чего-же, скажи мнѣ, съ чего ихъ (язычниковъ) законодатели написали законы о бракѣ, объ убійствахъ, о завѣщаніяхъ, о залогахъ, о притѣсненіи ближнихъ, и о многомъ другомъ»? Конечно, нынѣшніе законодатели могли заимствовать отъ своихъ предшественниковъ, эти отъ другихъ и т. д. «Но отъ кого, спрашиваетъ св. Златоустъ, научились тѣ, которые вначалѣ и первые издали у нихъ законы? Не ясно ли, что отъ совѣсти? Вѣдь они не могутъ сказать о себѣ, что были съ Моисеемъ, что слушали пророковъ: какъ этому быть, когда они язычники? Такъ очевидно, дѣлаетъ заключеніе Златоустъ, что на основаніи закона, дарованнаго Богомъ человѣку вначалѣ при сотвореніи, на основаніи его они и постановили законы, и изобрѣли искусства и все прочее. И искусства такъ изобрѣтены, т. е. первые люди дошли до нихъ — по внушенію природы. Такъ произошли и судища, такъ опредѣлены и наказанія...» ²⁾).

Что «естественный законъ добра и зла» лежитъ въ самой нашей природѣ, Златоустъ доказываетъ это и примѣрами изъ обыденной жизни. «Всѣ мы, говоритъ онъ, когда грѣшимъ,

¹⁾ Бесѣды на псалмы. Бес. на 147 пс.

²⁾ Тамъ же.

стыдимся» и при томъ стыдимся не только людей одинаковаго съ нами общественнаго положенія, а даже и своихъ слугъ. Не условныя слѣдовательно понятія о приличномъ и неприличномъ заставляютъ человека стыдиться за свой грѣхъ, а внутренній законъ, непосредственно говорящій ему о нравственной цѣнности его поступковъ. Вотъ почему скромный слуга часто возбуждаетъ чувство стыда въ своемъ преступномъ господинѣ, когда тотъ идетъ къ развратной женщинѣ, и заставляеть его сойти съ этой негодной дороги ¹⁾).

Все это—и примѣры библейскіе и личный опытъ человека—не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что различіе добра и зла, знаніе того, что такое порокъ и что добродѣтель, «искони вложено уже въ нашу совѣсть». Вотъ почему для опредѣленія нравственной цѣнности дѣлъ и поступковъ человека не требуется никакого виѣшняго наставленія. Чтобы знать напримѣръ, что цѣломудріе добро, для этого намъ не нужно ни разсужденій, ни наставленій, «не требуется ни трудовъ, ни заботъ, чтобы розыскать и найти, хорошо ли и полезно ли цѣломудріе; напротивъ, мы всѣ общимъ голосомъ признаемъ это и никто не сомнѣвается на счетъ этой добродѣтели. Такъ и блудъ почитаемъ зломъ»... Обобщая всѣ эти свои разсужденія, св. Златоустъ, наконецъ категорически заявляетъ, что «знаніе о добродѣтели и о злѣ положено въ совѣсти людей, и мы не нуждаемся ни въ какомъ учителѣ, чтобы узнавать объ нихъ».

Раскрывая понятіе о совѣсти, какъ непосредственной учительницѣ добродѣтели и указывая значеніе ея въ качествѣ могущественнаго фактора въ моральномъ и культурномъ развитіи человечества, св. Златоустъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ апостолу Павлу, развивая лишь подробнѣе ученіе послѣдняго о естественномъ законѣ. Не смотря однако на прямыя ссылки Златоуста въ доказательство проводимыхъ имъ положеній на слова апостола, одинъ изъ представителей западной учености—Р. Гофманъ, нашель возможнымъ обличить ученіе Златоуста о совѣсти въ нѣкоторыхъ существенныхъ недостаткахъ, и даже упрекнуть этого величайшаго учителя христіанской нравственности прямо таки въ языческой точкѣ зрѣнія на данный вопросъ. Раскрываемое Златоустомъ понятіе о совѣсти, по мнѣнію этого ученаго, никакъ не можетъ будто бы мириться съ

¹⁾ Вес. XIII.

ученіемъ того же Златоуста о необходимости откровеннаго закона. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, послѣдній, если человѣкъ, руководствуясь естественнымъ закономъ, т. е. совѣстью могъ бы преуслѣваться на пути добродѣтели? «Златоустъ, заявляетъ Гофманъ, и не чувствуетъ, что съ своею совѣстью онъ вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и становится на языческую точку зрѣнія». Такое представленіе западнаго ученаго, на нашъ взглядъ, есть лишь плодъ непониманія имъ ученія Златоуста. Правда, въ бесѣдахъ св. Златоуста можно встрѣтить мѣста, гдѣ онъ представляетъ богооткровенный законъ какъ бы лишь повтореніемъ, воспроизведеніемъ того, что уже разъ вложено было въ человѣка вначалѣ при его твореніи, и что онъ по видимому не настолько необходимъ, чтобы безъ него нельзя было достигнуть истины и спасенія.

Такъ, въ одной изъ своихъ бесѣдъ на псалмы св. Златоустъ прямо говоритъ, что Моисеевы писанія только обновляютъ тотъ законъ, который имѣетъ природа, и который въ самомъ началѣ внѣдренъ въ нее Богомъ. Къ тѣмъ предписаніямъ закона, которыя возвыщены были Богомъ чрезъ Моисея, человѣкъ могъ бы придти и самъ, руководясь лишь естественнымъ закономъ. Мало того, онъ могъ бы даже при свѣтѣ этого руководителя дойти до познанія и такихъ истинъ, которыя принесены въ міръ въ Откровеніи новозавѣтномъ, Самимъ І. Христомъ.

Разсуждая о поступкѣ Исаака, отпустившаго съ миромъ Авимелеха и слугъ его (Быт. XXVI, 31), Златоустъ дѣлаетъ такой выводъ изъ этого библейскаго повѣствованія. «Видишь, говоритъ онъ, какъ праведникъ, не имѣвшій еще наставленій отъ закона, не видѣвшій предъ собою примѣра въ комъ нибудь другомъ, а только послѣдуя отцу, и руководимый учителемъ, находящимся въ самой природѣ человѣка, въ его совѣсти, показывавъ столь великое любомудріе!» Повинуясь единственно внушеніямъ своей совѣсти, Исаакъ исполнялъ, такимъ образомъ, заповѣди Христовы, не зная еще о нихъ ничего изъ закона откровеннаго ¹⁾. Отсюда можно было бы по видимому заключать, что съ точки зрѣнія Златоуста, — даже новозавѣтное Откровеніе не принесло чего-либо новаго, совершенно неизвѣстнаго міру древнему, человѣку естественному, — и задатки великихъ истинъ христіанства лежали въ

¹⁾ Бесѣда 52-я на кн. Бытія.

тайпикахъ души человѣка и, при руководствѣ естественнаго закона — совѣсти человѣческой, могли обнаруживаться въ значительной полнотѣ и силѣ.

Все это даетъ однако слишкомъ мало оснований упрекать Златоуста въ противорѣчii и якобы не-христіанской точкѣ зрѣнія, какъ дѣлаетъ Гофманъ. Если въ изображеніи значенія совѣсти Златоустъ порой и допускаетъ преувеличенія, то объясненія этого просто слѣдуетъ искать въ желаніи его какъ только можно рельефнѣе выставить ту самую мысль о безотвѣтности язычниковъ, которую выразилъ апостоль Павелъ. А при такомъ желаніи вполне естественно, конечно, было допустить и нѣкоторую односторонность въ оцѣнкѣ фактовъ, которые Златоустъ приводилъ въ качествѣ иллюстрацій къ своимъ положеніямъ. Подобная односторонность замѣчается напримѣръ и въ истолкованіи указаннаго событія изъ исторіи Исаака, гдѣ поступокъ послѣдняго представляется какъ результатъ исключительно лишь одного внушенія совѣсти и тѣмъ дается, повидимому, мысль, что человѣку можно бы обходиться и безъ откровеннаго закона. Но толкованіе въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ свой односторонній характеръ, благодаря замѣчанію, что Исаакъ въ данномъ случаѣ кромѣ совѣсти руководился еще и примѣромъ своего отца. Въ этомъ замѣчаніи проглядывается та же самая мысль о недостаточности исключительно одного лишь руководства совѣсти и необходимости при ней другихъ руководителей по пути добра, которую подробнѣе раскрываетъ Златоустъ въ другихъ бесѣдахъ. Такъ въ одной изъ бесѣдъ по случаю низверженія статуи онъ говоритъ: «много и другихъ учителей, кромѣ совѣсти, приставилъ къ намъ Богъ... какъ-то: родителей къ дѣтямъ, господь къ рабамъ, мужей къ женамъ, наставниковъ къ ученикамъ, законодателей и судей къ подначальнымъ и друзей къ друзьямъ. А столько учителей приставилъ къ намъ Богъ для того, чтобы намъ было легко найти и сдѣлать полезное, такъ какъ многіе, побуждая насъ къ этому, не даютъ намъ уклониться отъ полезнаго» ¹⁾. Совѣсть въ ряду этихъ «учителей» занимаетъ даже и не первое мѣсто. «Опасеніе общественаго мнѣнія» и «врожденный страхъ предъ законами» оказываются порой болѣе надежными и могущественными руководителями человѣка по пути добра, чѣмъ голосъ со-

¹⁾ Бес. XIII.

вѣсти ¹⁾). Такимъ образомъ, на ряду съ внушеніями совѣсти, необходимо нѣчто болѣе положительное, что бы прямо показывало человѣку, какъ онъ долженъ поступать въ томъ или другомъ, случаѣ и чѣмъ вообще руководиться въ своей дѣятельности. Въ области нравственной такимъ руководителемъ и является Откровеніе — этотъ положительный законъ, который своими заповѣдями и постановленіями прямо и рѣшительно говоритъ человѣку, что онъ долженъ дѣлать и какъ поступать, чтобы быть всегда въ согласіи съ волею Божіею, тогда какъ голосъ совѣсти не всегда съ одинаковою ясностію и постоянствомъ говоритъ объ этомъ человѣку. Далѣе, по словамъ самого же Златоуста, Богъ такъ устроилъ, чтобы обличеніе совѣсти возставало въ насъ по временамъ, а не было постоянно ²⁾); но въ такомъ случаѣ, какъ нѣчто непостоянное, она является уже далеко ненадежнымъ руководителемъ; при томъ же голосъ совѣсти съ особенною силою часто начинаетъ говорить въ человѣкѣ только уже тогда, когда совершено преступленіе, иногда совершенно умолкая предъ совершеніемъ его ³⁾).

Наконецъ, и самое раздѣленіе св. Златоустомъ совѣсти на добрую и злую, и поставленіе самой ея въ зависимость отъ такого или иного рода жизни и дѣлъ показываетъ, что она сама по себѣ одна недостаточна для человѣка въ дѣлѣ его нравственнаго совершенствованія и требуетъ болѣе надежныхъ, постоянныхъ и безусловныхъ руководителей на пути добродѣтельной жизни.

Но и помимо всѣхъ этихъ косвенныхъ свидѣтельствъ, заставляющихъ насъ признать, что и самъ Златоустъ далеко не считалъ совѣсть исключительнымъ и единственно довлѣющимъ учителемъ нравственности, тѣмъ естественнымъ закономъ, который одинъ своею собственною силою можетъ привести человѣка къ нравственному совершенству и спасенію, — мы находимъ у него и болѣе прямые указанія на необходимость откровенія, — необходимость благодатнаго воздѣйствія на человѣка, для того, чтобы онъ могъ неуклонно слѣдовать по пути добра и укрѣпляться въ вѣрѣ и нравственно-доброй жизни.

Въ одной изъ своихъ бесѣдъ, изъясняя слова апостола

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Бес. 4-я о Лазарѣ.

³⁾ Тамъ же.

изъ посланія къ Коринѳянамъ (II—IV, 13): «*имуще той же духъ вѣры*», св. Златоустъ говоритъ, что этими словами апостоль хотеть показать, что «вначалѣ увѣровать и покориться призванію — зависитъ отъ нашего расположенія, но послѣ того, какъ вѣра уже внѣдрена, мы имѣемъ пужду въ помощи Св. Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимою и неизмѣнною ¹⁾). Признавая, такимъ образомъ, полную свободу за человѣкомъ въ первоначальномъ усвоеніи вѣры, Златоустъ разъясняетъ далѣе это еще подробнѣе. «Ибо, говоритъ онъ, ни Богъ, ни благодать Духа не предваряетъ нашего расположенія, но хотя и призываетъ, однако ожидаетъ, чтобы мы пришли добровольно и по собственному желанію, а потомъ, когда мы уже пришли, тогда подаетъ отъ себя всякую помощь» ²⁾). Но представляя волѣ человѣческой полную свободу въ этомъ первомъ усвоеніи вѣры, Златоустъ, для дальнѣйшаго преуспѣянья въ ней, считаетъ необходимымъ присутствіе высшей помощи, которая могла бы направлять человѣка и укрѣплять въ данномъ направленіи. Такая помощь не можетъ представляться въ совѣсти, въ естественномъ законѣ, вложенномъ Творцемъ въ человѣка, потому что совѣсть сама по себѣ недостаточно сильна для этого и можетъ всегда уклониться съ пути истины и добродѣтели. За такого надежнаго помощника и руководителя св. Златоустъ признаетъ благодать Св. Духа, которая приходитъ къ человѣку послѣ того, какъ этотъ послѣдній покорился призванію и усвоилъ начало вѣры. Но эта помощь Духа не приходитъ необходимо къ каждому человѣку; человѣкъ можетъ привлечь къ себѣ помощь Духа и расположить Его пребывать въ себѣ только добрыми дѣлами и исправною жизнью. «Какъ свѣтъ свѣтильника, говоритъ св. Златоустъ, поддерживается елеемъ, съ уничтоженіемъ котораго и онъ прекращается и исчезаетъ, такъ точно и благодать Духа тогда, когда есть у насъ добрая дѣла и душа окрѣпляется великою благостынею, пребываетъ въ насъ, какъ огонь, поддерживаемый елеемъ, а безъ нея отступаетъ и удаляется, какъ это случилось съ пятью дѣвами...» ³⁾). Такимъ образомъ, св. Златоустъ для жизни праведной и истинной и для полученія человѣкомъ спасенія признаетъ необходимымъ непосредственное воздѣйствіе

¹⁾ Бес. I-я на слова 2 Кор. IV, 13.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

благодати Св. Духа, которая въ свою очередь, подастся чело-
вѣку, по его мѣрѣ, за добрыя дѣла. Поэтому здѣсь ста-
новится необходимымъ для челоѣка самому трудиться и за-
ботиться о своемъ спасеніи, исправлять свою жизнь и тво-
рить добрыя дѣла, ибо, въ противномъ случаѣ, по образ-
ному выраженію св. Златоуста, ему грозитъ опасность потер-
пѣть кораблекрушеніе въ вѣрѣ ¹⁾). Руководителемъ въ этомъ
слѣдованіи по пути добра къ полученію спасенія, конечно,
можетъ служить отчасти и совѣсть, заставляющая челоѣка
держаться добродѣтели, избѣгать зла и стремиться къ чистой
жизни,—но вліянія только одной послѣдней все же недоста-
точно для совершенной вѣры и полученія спасенія, потому
что самая «вѣра, по заключенію Златоуста, для того, чтобы
ей оставаться непоколебимою, имѣть нужду въ помощи и
присутствіи Духа» ²⁾).

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго становится
совершенно яснымъ, что св. Іоаннъ Златоустъ былъ далекъ
отъ мысли приписывать совѣсти челоѣческой исключительное ру-
ководящее значеніе въ нравственной жизни челоѣка и не
обуславливалъ исключительно ея водительствомъ полученіе чело-
вѣкомъ спасенія. Тѣмъ болѣе, нельзя приписать ему такого
взгляда на духовную челоѣческую природу, какимъ отлича-
лось потомъ пелагианство, — именно, что челоѣкъ по своей
природѣ—добръ, что въ немъ лежатъ зачатки всѣхъ добрыхъ
расположеній и склонностей и что только единственно отъ
его воли зависитъ полное и всестороннее раскрытіе ихъ.
Возможность уклоненія на путь зла, которую такъ положи-
тельно признаетъ Златоустъ и необходимость для полученія
спасенія и достиженія нравственнаго совершенства благодати
Божіей—всего яснѣе говорятъ противъ этого.

Признавая волю челоѣка не настолько сильною, чтобы
она всегда могла удерживать челоѣка на пути добра и не
позволять ему уклоняться къ совершенію злыхъ дѣлъ, св. Зла-
тоустъ, въ качествѣ силы, сдерживающей злую волю и помо-
гающей челоѣку, при свѣтѣ сверхъестественнаго Откровенія,
совершенствоваться въ добродѣтели и вести жизнь, согласо-
ванную съ закономъ Божественнымъ, и выставлать главнымъ образомъ
совѣсть, какъ естественный истинный критерій дѣлъ и поступ-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

ковъ человѣка. Вотъ почему ученіе о совѣсти, какъ внутреннемъ судіи и обличителѣ, особенно развито у св. Златоуста. Почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о совѣсти, онъ главнымъ образомъ выставляетъ ее съ этой стороны и изображаетъ дѣятельность ея въ этомъ отношеніи особенно ясно и рельефно.

Вотъ какъ раскрываетъ онъ ученіе о совѣсти съ этой именно стороны. «Богъ, говоритъ св. Златоустъ, показалъ свою любовь къ роду человѣческому тѣмъ, что въ каждомъ изъ насъ поставилъ нелицепріятное судилище—совѣсть, которая дѣлаетъ строгое различіе между добромъ и зломъ»... ¹⁾ Изъ этого дара благодати Божіей человѣкъ можетъ извлечь для себя величайшую пользу: человѣкъ, по ясной заповѣди Спасителя, никого не долженъ судить, потому что всякій согрѣшающій имѣетъ уже надъ собою высшаго Судію; но есть такая область, гдѣ человѣку предоставляется полное право быть судіею,—такое судилище, которое вполнѣ предоставлено ему,—это область его собственныхъ дѣлъ, мыслей и желаній, судъ надъ которыми онъ можетъ изрекать, не подвергая себя осужденію отъ верховнаго Судіи. «Посади, говоритъ св. Златоустъ, въ совѣсти своей судіею разумъ, и поставь предъ его судилищемъ всѣ твои беззаконія; изслѣдуй всѣ грѣхи души твоей, потребуй отъ нея со всею строгостью подробнаго отчета... Если, заключаетъ св. Іоаннъ, ты будешь каждодневно это дѣлать, то съ дерзновеніемъ предстанешь предъ страшное судилище»... ²⁾ Осуждая сами себя въ повседневныхъ прегрѣшеніяхъ нашихъ, мы уже тѣмъ самымъ избавляемся отъ строгости будущаго суда ³⁾, говоритъ св. Златоустъ въ другомъ мѣстѣ, указывая на неизмѣнное для человѣка въ этомъ отношеніи значеніе совѣсти.

Какъ судія и обличитель, совѣсть, по своимъ достоинствамъ, не можетъ равняться ни съ какимъ судомъ человѣческимъ и стоитъ неизмѣримо выше этого послѣдняго. Вотъ какими чертами изображаетъ св. Златоустъ дѣятельность совѣсти съ этой стороны. Совѣсть, вложенная Богомъ въ духовную природу человѣка при самомъ сотвореніи его, является неумолкающимъ обличителемъ и притомъ такимъ, который не можетъ быть

¹⁾ Бесѣды на кн. Бытія.

²⁾ Бес. 22-я на Ев. Маттея.

³⁾ Бес. 60 на кн. Бытія.

обмануть или обольщенъ. «Пусть человекъ, поясняетъ св. Златоустъ, учинившій грѣхъ и совершившій незаконное дѣло, успѣеть укрыться отъ всѣхъ людей: но отъ этого судія укрыться онъ не можетъ, напротивъ, всегда носить внутри себя этого обличителя, который беспокоить его, мучить, караетъ, нигдѣ не даетъ ему покоя, требуетъ отчета въ проступкахъ, и поставяетъ на видъ и тяжесть грѣховъ, и угрожающее грѣшнику наказаніе. Какъ усердный врачъ, совѣсть не перестаетъ прилагать свои врачевства», и продолжаетъ постоянно заботиться не обращая вниманія на то, что ея не слушаютъ ¹⁾). Въ такомъ постоянномъ напоминаніи и состоитъ цѣль ея дѣятельности: этимъ она не даетъ грѣшнику дойти когда-нибудь до забвенія о проступкахъ своихъ, и, выставляя ихъ на видъ, хочетъ «сдѣлать насъ не столь склонными къ повторенію прежнихъ грѣховъ. Значеніе ея въ этомъ отношеніи настолько велико, что безъ водительства ея мы тотчасъ бы погибли» ²⁾). Совѣсть, далѣе, по Златоусту, это непрерывно бодрствующій судія, равнаго которому нѣтъ между людьми: онъ не подкупенъ ни деньгами, ни лестію, ни угрозами ³⁾, и, какъ судія неумолимый, произноситъ всегда свой справедливый приговоръ ⁴⁾). При томъ судія этотъ не утомимъ, выступать съ своими обличеніями «многokrатно и во всю жизнь» и напоминаетъ намъ о грѣхахъ не только въ то время, когда мы совершаемъ ихъ, но и по прошествіи многихъ лѣтъ, какъ это доказываетъ исторія братьевъ Іосифа, принесшихъ раскаяніе уже спустя много лѣтъ въ Египтъ ⁵⁾). Голосъ этого не умолимаго судія и обличителя настолько силенъ, что если бы даже человекъ совершилъ тысячу преступленій и совершенно погрязъ въ массѣ зла, то и тогда онъ не умолкаетъ и пытается своею силою обратить надшаго на путь добра.

Такимъ образомъ, какъ судія, недоступный обману ⁶⁾, какъ ревностнѣйшій и постоянный обличитель, — совѣсть постоянно указываетъ человекъ его порочныя мысли и дѣянія, заставляетъ его всѣми силами стремиться избѣгать ихъ, чтобы

¹⁾ Бес. 17, на кн. Быт.

²⁾ Бес. 17, на кн. Быт.

³⁾ Бес. 4 о Лазарѣ.

⁴⁾ Бес. на 147 ис.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

не подвергнуться вѣчному осужденію въ будущей жизни, и своими наставленіями помогаетъ ему слѣдовать болѣе или менѣе неуклонно по пути добра. Безъ этого надежнаго руководителя. падшій человѣкъ, съ своею склонною ко злу волею, могъ бы совершенно погрязнуть въ мірѣ зла и погибнуть. «Обличеніе совѣсти есть, поэтому, какъ бы нѣкоторый священный якорь, не дающій намъ совершенно погрузиться въ бездну грѣха» ¹⁾), говоритъ св. Златоустъ, наглядно показывая въ этомъ прекрасномъ образѣ все значеніе совѣсти для человѣка въ его жизни.

Ученіемъ о совѣсти, какъ внутреннемъ, естественномъ законѣ, вложенномъ въ человѣка при самомъ его твореніи и дающемъ человѣку возможность познанія того, что добро и что зло, что онъ долженъ дѣлать и чего избѣгать, — какъ о достаточномъ руководителѣ въ нравственной жизни, и, наконецъ, ученіемъ о совѣсти, какъ о нелицепріятномъ, неподкупномъ и праведномъ судіи, о неумолимомъ и суровомъ обличителѣ и карателѣ, терзающемъ наше сердце и поражающемъ сильнѣе всякаго палача и тѣмъ самымъ удерживающемъ человѣка отъ окончательнаго паденія, и приводящемъ человѣка, при его добромъ желаніи, ко спасенію, и исчерпывается у св. Іоанна Златоуста вопросъ о значеніи совѣсти въ жизни и дѣятельности человѣка.

Какъ бы въ заключеніе своего ученія о совѣсти, св. Златоустъ, призывая человѣка къ заботамъ о самоусовершенствованіи въ нравственномъ отношеніи, къ неустаннымъ стараніямъ о приобрѣтеніи доброй совѣсти, — помимо награды, ожидающей человѣка за это въ будущей жизни, помимо оправданія на будущемъ страшномъ судѣ, указываетъ еще на добрую совѣсть, какъ на заключающую блаженство въ самой себѣ, независимо отъ другихъ наградъ. «У кого совѣсть чистая и свободная отъ всякаго порока, говоритъ онъ ²⁾), въ томъ будетъ обитать самъ Господь всяческихъ: ибо, прибавляетъ онъ, *блаженни*, сказано, *чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ*» (Мо. V, 8). Въ этомъ же созерцаши Божества заключается высшее, возможное для человѣка блаженство. Но если въ чистой совѣсти — блаженство и если «ничто такъ не вос-

¹⁾ Тамъ же,

²⁾ Бес. 60 на юн. Бѣт.

криляетъ и не возносить горѣ душу, какъ пріобрѣтеніе правды и добродѣтели» ¹⁾ и если «ничто столько не поддерживаетъ и едва ли не окрыляетъ, какъ добрая совѣсть» ²⁾, то, съ другой стороны, «ничто такъ не обременяетъ душу, ничто такъ не ослѣпляетъ мысль и не преклоняетъ долу, какъ сознаніе грѣха» ³⁾, и ничего нѣтъ безпокойнѣе худой и порочной совѣсти ⁴⁾, которая «дѣлаетъ насъ нечистыми и ввергаетъ въ отчаяніе» ⁵⁾. И вообще, говорить св. Златоустъ, «не величіе власти, не множество денегъ, не обширность могущества, не роскошный столъ, не пышныя одежды, и не прочія человѣческія преимущества доставляютъ благодушіе и радость; но бываетъ сіе плодомъ только духовнаго благоустройства и доброй совѣсти» ⁶⁾, и обладающій ею, хотя будетъ и бѣденъ, блаженнѣе богатаго, но сознающаго за собою грѣхи ⁷⁾. Кто достигъ до такого обладанія, у того на душѣ всегда будетъ свѣтло и радостно, — вся жизнь превращается въ свѣтлый праздникъ. «Если у тебя чиста совѣсть, то ты имѣешь постоянный праздникъ, питаешься добрыми надеждами и утѣшаясь упованіемъ будущихъ благъ; если же ты не спокоенъ въ душѣ и виновенъ во многихъ грѣхахъ, то и при тысячахъ праздниковъ и торжествъ ты будешь чувствовать себя не лучше плачущихъ» ⁸⁾.

А. Лепорскій.

¹⁾ Бес. 38, на Ев. св. Матоея.

²⁾ Бес. на посланіе къ Римлянамъ.

³⁾ Бес. 38 на Ев. Матоея.

⁴⁾ Бес. на посланіе къ Римлянамъ.

⁵⁾ Бес. 41 на Псалмы.

⁶⁾ Бес. на посланіе къ Римлянамъ.

⁷⁾ Тамъ же.

⁸⁾ Слово на новый годъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки